

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
МЕМОАРЫ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ

КАК Я
ВОЕВАЛ
С РОССИЕЙ

Уинстон Спенсер Черчилль Как я воевал с Россией

Серия «Легендарные
политические мемуары»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18975234
Как я воевал с Россией: Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906861-62-7

Аннотация

Уинстон Черчилль – «имя Англии» XX века, являлся самым ярким представителем английской политики в двадцатом столетии. Одним из ее направлений была борьба против России с целью не допустить нашу страну в число великих держав или, по крайней мере, ослабить русское влияние в мире. В своих мемуарах У. Черчилль достаточно полно и откровенно описал все стороны этой антирусской деятельности. Двучленная позиция Англии в отношениях с Россией в годы Первой мировой войны, откровенно враждебное отношение к РСФСР и СССР, военные и шпионские операции против советской державы в 1920-е – 1930-е гг., попытки направить первый германский удар на Советский Союз – все это нашло отражение в книге У. Черчилля, представленной вашему вниманию. Кроме того, в ней рассказывается о политике Черчилля в годы

Второй мировой войны, когда союзническая помощь Советскому Союзу сопровождалась стремлением затянуть военные действия на Восточном фронте, чтобы обескровить СССР. Наконец, здесь говорится о начале «холодной войны», в которой У. Черчилль сыграл ведущую роль. Книга содержит множество интересных подробностей, неожиданных фактов, значимых деталей от человека, входившего в высшие круги английского «истеблишмента».

Содержание

Часть 1. Россия сбилась с пути	6
Часть 2. Интервенция в Россию	36
Часть 3. Чего мы хотели от русских	49
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Уинстон Черчилль

Как я воевал с Россией

© Черчилль У. (Churchill W.), правообладатели

© Перевод с английского. М. Минц, В. Чухно и др.

© «ТД Алгоритм», 2016

Часть 1. Россия сбилась с пути

В Первой мировой войне Россия сыграла свою роль. В начале войны Франция и Великобритания во многом рассчитывали на Россию. Да и на самом деле Россия сделала чрезвычайно много. Потерь не боялись, и все было поставлено на карту. Быстрая мобилизация русских армий и их стремительный натиск на Германию и Австрию были существенно необходимы для того, чтобы спасти Францию от уничтожения в первые же два месяца войны. Да и после этого, несмотря на страшные поражения и невероятное количество убитых, Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе. Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии; даже летом 1917 г., уже после падения царя, правительство Керенского все еще пыталось организовать наступление, чтобы помочь общему делу. Эта выдержка России была важнейшим фактором наших успехов вплоть до вступления в войну Соединенных Штатов, уступавшим по значению разве только неудаче германской подводной войны, явившейся поворотным пунктом всей кампании.

Но Россия упала на полдороге, и во время этого падения

совершенно изменила свой облик. Чтобы объяснить, каким образом это несчастье стряслось над миром, и дать возможность читателю понять все его последствия, нам следует бросить взгляд назад.

Царь отрекся от престола 15 марта 1917 г. Временное правительство, состоявшее из либеральных и радикальных государственных деятелей, было почти немедленно признано важнейшими союзными державами. Царь был арестован; была признана независимость Польши, и было издано обращение к союзникам, в котором говорилось о праве народов на самоопределение и об обеспечении прочного мира. Знаменитый приказ, отменявший отдавание чести и смертную казнь за военные преступления, уничтожил дисциплину в армии и флоте. Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов, сыгравший такую значительную роль в революции и послуживший образцом для всех подобных советов, быстро образовавшихся по всей России, был независимым от правительства учреждением и вел самостоятельную политику. Совет обратился ко всему миру с призывом заключить мир без аннексий и контрибуций, укреплял свое влияние и связи и почти все время рассуждал об общих принципах. С самого же начала было ясно, что эта организация и Временное правительство преследуют различные цели. Петроградский Совет стремился подорвать всякую власть и всякую дисциплину, между тем как целью Временного правительства было сохранить и то и другое в новых и более приемле-

мых формах. Когда оба соперничающих органа оказались на непримиримо враждебных позициях, Керенский, принадлежавший к умеренным членам Совета, стал на сторону Временного правительства и принял пост министра юстиции.

Министры Временного правительства важно шагали по кабинетам и дворцам и, произнося цветистые и сентиментальные речи, выполняли свои административные обязанности. Деятели прогрессистов Гучков и Милюков, доброжелательные и простодушные марионетки, скоро сошли со сцены. Они сыграли свою роль в происходившем поразительном разложении. Руководясь наилучшими мотивами, они помогли потрясти все основания России; их пример побудил многих разумных и патриотически настроенных русских поддержать начатую ими работу. Теперь они были лишены всякого влияния и всякой власти. Почтенные и по-своему мужественные люди, они сходили со сцены, мучимые раздумьем. Гучков сказал: «Остается еще не доказанным, что же мы представляем собой – нацию свободных людей или сброд взбунтовавшихся рабов». Но среди всеобщей болтовни слова перестали действовать.

Однако в своей агонии Россия не осталась совершенно без защитников. К ним следует причислить прежде всего Керенского, несмотря на все его тщеславие и самовлюбленность. Из всех незрелых политиков-дилетантов, вступивших во Временное правительство, он был наиболее крайним. Они принадлежали к числу тех опасных революционных вождей,

которые всегда стараются перешеголять экстремистов, чтобы держать их в руках, и всегда уверяют лояльные и умеренные элементы, что только они одни умеют удержать зверя. Постепенно он осуществлял политические перемены, отклонявшие его коллег по министерству все далее и далее влево. Но Керенский не хотел идти дальше известного пункта. Когда он был достигнут, Керенский решил сопротивляться. Но когда он наконец перешел к борьбе, то увидел, что растерял все свое оружие и всех своих друзей.

Керенский заменил Гучкова на посту военного министра в середине мая. 6 августа он стал премьер-министром. Влияние событий, заставивших его в течение лета перейти от революционных фраз к политике репрессий, еще более усиливалось благодаря личному воздействию двух лиц. Одним из них был генерал Корнилов, солдат-патриот, решительный, популярный, демократически настроенный; он был готов принять революцию и верно служить новому режиму, хотя он с большей радостью служил бы царю. Ему доверяли войска; он не возбуждал неприязни у стоявших у власти политиков – словом, он обладал многими качествами или, во всяком случае, многими плюсами, которых требовало от военачальника революционное правительство, желавшее вести войну и поддерживать порядок.

Но в это время появилась на сцене более сильная личность – Борис Савинков, бывший нигилист, непосредственный организатор убийств Плеве и великого князя Сергея Александровича, возвратившийся из изгнания в самые первые дни революции. Посланный в качестве комиссара в IV армию, он справился с мятежом и разложением и проявил при этом энергию, резко выделявшуюся на нелепом фоне русской смуты и напоминавшую бодрый дух Французской революции. Поскольку в данном случае уместны сравнения, он в некоторых отношениях напоминал Симурдэна – героя романа Виктора Гюго, а в некоторых – реального Сен-Жюста. Разница заключалась лишь в том, что, не уступая никому в беспощадности своих методов и в личном бесстрашии, он обладал уравновешенным умом и преследовал умеренные и даже прозаические цели. Он являлся воплощением практичности и здравого смысла – правда, выраженных в динамите.

Из дикой сумятицы и хаоса русской трагедии он стремился создать свободную Россию, которая оказалась бы победоносной в войне с Германией, которая шла бы рука об руку с либеральными нациями Запада, Россию, в которой крестьяне владели бы на правах собственности обрабатываемой ими землей, в которой гражданские права охранялись бы законом, в которой процветали бы парламентские учреждения,

которые существовали бы, может быть, наряду с ограниченной монархией.

Этот человек, обладавший кипучей энергией и трезвый по своим политическим взглядам, в течение двух месяцев приобрел господствующее влияние в русских военных делах. Занимая должность товарища военного министра и будучи начальником Петроградского гарнизона, Савинков распоряжался важнейшими орудиями власти. Он знал все силы, действовавшие в данный момент, прекрасно понимал суть дела и ни перед чем не отступал. Позволят ли ему пустить в ход рычаги власти или вырвут их из его рук? Будут ли они действовать или сломаются?

Савинков избрал Корнилова и настойчиво рекомендовал его Керенскому как того военачальника, без которого нельзя обойтись. В результате долгой внутренней борьбы, разгоревшейся в конце июля, даже Петроградский Совет согласился большинством голосов на предоставление военным властям неограниченных полномочий, признавая это единственным средством восстановления дисциплины в армии. 1 августа Корнилов стал главнокомандующим, и 8 сентября была восстановлена смертная казнь за преступления против дисциплины на фронте. Тем временем германский молот продолжал бить по русскому фронту. В середине июля немцы развернули контрнаступление, а 24 июля австро-германские войска взяли обратно Станислав и Тарнополь. Неприятельский натиск продолжался. 1 сентября германский флот,

действуя совместно с армией, вошел в Рижский залив. 3 сентября пала Рига.

В разгар кризиса ток спутал все провода, – как физические, так и психологические. Корнилов восстал против Керенского; Керенский арестовал Корнилова; Савинков, старавшийся сблизить их и укрепить исполнительную власть, был снят со своего поста. Затем последовало кратковременное интермеццо перед Вавилонским столпотворением – мужественные резолюции Думы и призывы Демократического совещания к национальному единению. В русском парламенте – Думе – было огромное антибольшевистское большинство. Временное правительство издало манифесты, обещавшие либеральную политику и призывавшие сохранять верность союзникам. По части слов и голосований было использовано решительно все. Между тем германский молот продолжал бить по фронту.

Кто осудит измученных борцов за русскую свободу и демократию? Не поставили ли они себе задач, непосильных для смертного? Могли ли какие бы то ни было люди какими бы то ни было мерами справиться с этим двойным нападением? Политикам и писателям более счастливых наций не следовало бы смотреть слишком свысока на людей, которые подверглись такому страшному давлению. При таких условиях Кромвель, Цезарь, Наполеон, может быть, потерпели бы такое же крушение, какое потерпел капитан Вебб на Ниагарском водопаде. Под аккомпанемент всеобщей болтовни

и приближающегося грохота пушечной канонады все ломалось, все гибло, все растекалось, и на фоне анархии обрисовывался один-единственный целостный и страшный фактор – большевистский переворот.

* * *

В первую неделю ноября Советы, руководимые Военно-революционным комитетом с Лениным и Троцким во главе, захватили верховную власть и командование над войсками и решили арестовать министров. Взбунтовавшиеся военные суда двинулись вверх по Неве, и войска перешли на сторону захватчиков. Дума и Всероссийское демократическое совещание, Всероссийский съезд Советов, продолжавшие болтать и принимать значительным большинством резолюции протеста, были сметены в пропасть. Зимний дворец, где заседало Временное правительство, был осажден. Керенский, бросившийся на фронт, чтобы собрать верные ему войска, был смещен изданной Лениным прокламацией и по возвращении был разбит бунтовщиками. Впоследствии британский апелляционный суд постановил, что при рассмотрении дел британских подданных, имеющих отношение к России, датой фактического перехода власти к советскому правительству следует считать 14 ноября 1917 г.

Навеки погибли империя Петра Великого и либеральная Россия, о которой так долго мечтали и Дума, и только что

созванное Учредительное собрание. Вместе с царскими министрами канули во тьму кромешную либеральные и радикальные политики и реформаторы.

Верховный большевистский комитет, эта нечеловеческая или сверхчеловеческая организация, как вам угодно, – это сообщество крокодилов, обладавших образцовыми интеллектами, взял власть 8 ноября. Его члены обладали твердой программой политики на ближайшее время. С внешним врагом надо было заключить немедленный мир и повести беспощадную войну с помещиками, капиталистами и реакционерами. Все эти термины истолковывались в самом широком смысле.

Вопросы внешней политики оказались, однако, трудными. Ленин и его сообщники, принимаясь за свое дело, были уверены, что с помощью беспроволочного телеграфа они могут обратиться непосредственно к народам воюющих государств через головы их правительств. Поэтому вначале они не имели в виду заключение сепаратного мира. Они надеялись, что под влиянием русского примера и выхода России из войны военные действия всюду приостановятся и все правительства, как союзные, так и неприятельские, очутятся лицом к лицу с восставшими городами и взбунтовавшимися армиями. Провозглашение Декрета о мире сопровождалось немалым количеством слез и радостными криками. Призыв к миру дышал возвышенным человеколюбием, ужасом перед насилием, усталостью от бесконечной бойни. Приведем хотя

бы следующий отрывок: «Трудящиеся всех стран, мы обращаемся к вам с братским призывом через гекатомбы трупов наших братьев-солдат. Через потоки невинно пролитой крови и слез, через дымящиеся развалины городов и сел, через разгромленные памятники культуры, мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единения».

Но петроградский беспроволочный телеграф напрасно бороздил эфир волнами. Крокодилы внимательно слушали, дожидаясь ответа, но ответом им было молчание.

Через две недели большевики уже бросили свой план «заключить мир через головы правительств с восставшими против них народами». 20 ноября русскому Верховному командованию было приказано немедленно предложить неприятельскому командованию приостановить враждебные действия и начать переговоры о мире, а 22 ноября Троцкий послал посланникам союзных держав в Петрограде ноту, предлагавшую установить «немедленное перемирие на всех фронтах и немедленно начать мирные переговоры». Ни посланники, ни их правительства не ответили вовсе. Но большевистское правительство во что бы то ни стало должно было выполнить данное им обещание «немедленного мира», и фронтовикам был отдан приказ «брататься и заключать мир с немцами, производя братание полками и ротами». Какое бы то ни было военное сопротивление неприятелю стало после этого невозможным. 28 ноября центральные державы заявили о своей готовности рассмотреть предложение о пере-

мирии. 2 декабря стрельба прекратилась по всей линии русского фронта; напряженные усилия народов России стихли.

Переговоры тянулись три месяца, прежде чем был подписан Брест-Литовский договор. Для большевиков этот период был полон разочарований. Они требовали шестимесячного перемирия, а вместо этого получили приостановку военных действий на один месяц, после чего военные действия снова могли возобновиться с предупреждением за одну неделю. Большевики хотели, чтобы переговоры велись в какой-либо нейтральной столице вроде Стокгольма, но и в этом требовании им было отказано. Они разъясняли победителям, которые сами дошли до отчаяния, правильные политические принципы для построения человеческого общества. «Извините, господа, – спрашивал большевиков германский генерал Гофман, – какое нам дело до ваших принципов?» В припадке непоследовательной лояльности по отношению к союзникам большевики потребовали, чтобы во время перемирия ни австрийские, ни германские войска не перевозились с восточного на западный фронт. Немцы согласились – и немедленно начали перевозить войска во Францию. В конце декабря все иллюзии, которые со столь непонятной доверчивостью питали до сих пор большевики, кончились.

* * *

Переговоры были прерваны, большевистские делегаты

возвратились домой, чтобы посоветоваться со своими товарищами. До нас дошли некоторые детали этих новых дебатов в большевистском аду. Троцкий, принявший на себя роль Молоха, настаивал на возобновления войны, и большинство тайного совещания, по-видимому, разделяло его взгляд. Но холодный и мрачный голос Ленина напомнил собравшимся об их долге в восемнадцати тезисах.

Какое сопротивление могли они оказать врагу? Армии исчезли, флот был охвачен бунтом, Россия погружена в хаос. Даже возможность бегства по широким пространствам России, которою они все еще располагали, не могла оставаться в их распоряжение сколько-нибудь долго. Но ведь для них поставлено на карту нечто более драгоценное, чем судьба России. Разве они не осуществляли коммунистической революции? Разве они могли бороться с буржуями у себя на родине, в то же время тратя весь остаток своих сил на сопротивление вторгшемуся неприятелю? В конце концов для интернационалистов, стремящихся к мировой революции, географические границы и политические связи не имели особенно важного значения. Большевики должны прочно укрепить свою власть на тех русских территориях, которые у них останутся, и отсюда распространить гражданскую войну и на все прочие страны.

Доводы Ленина возымели действие. Как передает один англичанин, бывший очевидцем этой сцены, Ленин даже не пожелал слушать возражений и холодно и безучастно сидел в

соседней комнате, предоставив своим сотоварищам произносить пылкие речи, в которых слышны были ненависть и бешенство. Троцкому удалось только провести формулу: «ни войны, ни мира». Советы подчинятся, но они не пишут договора. 10 февраля Троцкий заявил по беспроволочному телеграфу, что Россия, отказавшись подписать мир на основе аннексий, объявляет со своей стороны об окончании войны с Германией, Австрией, Венгрией, Турцией и Болгарией. Одновременно с этим, добавлял он, русские армии получили приказ демобилизоваться на всех фронтах.

Но немцам этого было недостаточно. В течение недели они хранили молчание, но 17 февраля напрямик заявили, что перемирие кончилось и на следующий же день германские армии перейдут в наступление по всему фронту. Протесты Троцкого, настаивавшего, что большевикам должна быть предоставлена по крайней мере еще одна неделя отсрочки, были заглушены пушечной канонадой. На тысячемильном фронте, от Ревеля до Галаца, германские и австрийские армии покатались вперед. На русском фронте все еще оставались кое-где войска, находившиеся на различных стадиях разложения, и оставались офицеры, решившие исполнить свой долг до конца. Но все эти остатки армий были сметены без малейших затруднений. Весь русский фронт был сломлен и на протяжении каких-нибудь 20 миль немцы захватили в один день 1350 орудий и массу военного снаряжения и военнопленных. Город Двинск, главный объект германского

наступления, был взят в тот же вечер, и 19 февраля Советы окончательно сдались. Троцкий уступил пост комиссара иностранных дел более миролюбиво настроенному Чичерину, и 3 марта были подписаны мирные договоры.

Брест-Литовский договор лишил Россию Польши, Литвы, Курляндии, Финляндии и Аландских островов, Эстляндии и Лифляндии, а на Кавказе – Карса, Ардагана и Батума.

Советское радио извещало, что заключенный мир не основан на свободном соглашении, а продиктован силой оружия, и Россия вынуждена принять его, скрепя сердце. Советское правительство, продолжало радио, предоставленное своим собственным силам, не будучи в состоянии противиться вооруженному натиску германского империализма, вынуждено ради спасения революционной России принять поставленные ему условия. Как говорил Ленин несколько лет тому назад, большевики должны были мужественно взглянуть в лицо неприкрашенной, горькой истине, испить до самого дна чашу поражений, раздела, порабощения и унижения.

* * *

Большевистское перемирие и последовавшее вслед за ним заключение мира с центральными державами произвели огромное впечатление в России. В тот самый день, когда были приостановлены военные действия (2 декабря 1917 г.),

генералы Корнилов, Алексеев и Деникин подняли на Дону контрреволюционное знамя. Все они пробрались в это убежище к лояльным казакам обходными путями и не без опасности для жизни. Здесь, окруженные простым и преданным населением, эти военные вожди явились центром притяжения для всех наиболее благородных элементов старой России.

Но на чем был основан их политический авторитет? Императорский режим был дискредитирован во всех классах общества. В России ничто не могло устоять перед двумя лозунгами: «всю землю крестьянам» и «всю власть Советам». Но тем не менее целость и неприкосновенность России и обязательства ее перед союзниками, от соблюдения которых зависело ее доброе имя, звучали внушительно и повелительно. Правда, идеи эти были дороги лишь для отдельных лиц, разбросанных по огромным фронтам и обширным внутренним территориям. Но боевой клич был подхвачен, перенесся через степи и горы, и решительно всюду, – среди всех классов, в каждом городе и в каждой деревне, – нашлись те, кто услышал этот клич.

Формирование и подвиги русской добровольческой армии могут составить тему исторической монографии, которую с благодарностью прочтут все боевые товарищи русских в Британской империи, во Франции, в Италии и в Соединенных Штатах, а равно и в мелких государствах, ныне окончательно обеспечивших свою свободу. Во второй половине

1918 г. русская добровольческая армия среди переменных успехов гражданской войны значительно расширила границы той территории, на которую распространялась ее власть. Впрочем, мы не можем говорить здесь сколько-нибудь подробно о ее приключениях и достижениях. На первых порах велись бесконечные споры и господствовал беспорядок, но тем не менее создалось чувство общения с внешним миром, на котором и покоился авторитет контрреволюционных вождей. Сотрудничество с союзниками скоро приняло практические формы.

Еще 23 декабря 1917 г. военные представители Верховного союзного совета постановили, что все национальные войска в России, решившие продолжать войну, должны поддерживаться всеми средствами, какие только имеются в нашем распоряжении. В Сибири один из союзников мог действовать, преимущественно перед всеми прочими, чрезвычайно быстро и энергично. Япония была расположена поблизости, располагала сильными и свежими силами, была вполне готова к выступлению и непосредственно заинтересована в нем. Но против ее выступления выдвигались веские аргументы. Если бы Япония выступила против России, то большевики, при поддержке русского народа, могли бы заключить прямой союз с Германией против союзников.

Японцы были не прочь выступить и обнаруживали готовность взять под свой контроль значительную часть сибирской магистрали, но говорили, что участие в этой экспеди-

ции американцев будет встречено в Японии недоброжелательно. 31 декабря британское правительство вступило в переговоры по этому вопросу с президентом Вильсоном. Соединенные Штаты высказались как против индивидуальной интервенции Японии, так и против совместной интервенции Америки и Японии. Японцев оскорбило такое отношение, которое на первых порах чувствовало себя обязанным разделять британское правительство. Японцы считали, что им нужно поручить все решительно интервенционистские выступления во Владивостоке, на которые изъявят согласие союзные державы, ибо укрепление враждебного германского влияния на берегах Тихого океана было бы непосредственной угрозой Японии.

В конце января британское правительство, при поддержке французского, решило предложить Японии действовать в качестве уполномоченного союзных держав. Президент Вильсон по-прежнему противился всякой интервенции и в особенности индивидуальному выступлению Японии. С другой стороны, японцы требовали, чтобы в том случае, если Япония будет уполномочена на выступление державами, она получала от Америки помощь деньгами и военным снаряжением.

* * *

Вскоре союзники получили поддержку оттуда, откуда они

менее всего ее ожидали. В России вдруг обозначилась иностранная сила, единственная в своем роде по характеру и происхождению. После объявления войны многие чехословаки, проживавшие в России, поступили добровольцами в русскую армию. Отряд чехословацких военнопленных записался в сербскую добровольческую дивизию на Добрудже. Кроме того чехо-словаки в больших количествах дезертировали из австрийской армии и присоединялись к своим соплеменникам, сражавшимся в рядах русской армии, еще в первые месяцы войны и в особенности после победы Брусилова на реке Стырь в 1916 г. Люди эти находились под руководством почтенного профессора Масарика, который бежал из Австрии и в 1914, 1915 и 1916 гг. проживал в Лондоне на положении беженца. Проф. Масарик не только поддерживал идею чешской национальности, но и стремился к созданию значительного чехословацкого государства. Узы между ним и чешскими добровольцами покоились исключительно на разуме и чувстве, но благодаря своей высокой моральной выдержке люди эти превозмогли все страдания этого исключительного времени.

Чешские солдаты, отрезанные от своей родины и семейств огромными расстояниями, войной, бесконечным хаосом и, наконец, преступлениями, формально совершенными ими против австрийского правительства, прекрасно понимали свои национальные интересы и все значение союзнической борьбы и ни в какой степени не поддавались влиянию мест-

ных русских элементов. Царское правительство включило чехо-словаков в русскую армию и дало им самостоятельную военную организацию, но не совсем доверяло лояльности этих иностранцев, отвергнувших власть своего законного повелителя.

Как только началась русская революция, проф. Масарик отправился в Россию, добился объединения всех чехословацких боевых единиц в один отряд и дал им национальное красно-белое чешское знамя. Благодаря его хлопотам в Париже, отряд был признан частью союзной армии. С момента заключения Брест-Литовского мира отряды эти, полностью сохранившие свое вооружение, предоставили себя в распоряжение союзников для дальнейшего ведения войны. Отличаясь конечно гораздо большей численностью и некоторыми своеобразными особенностями, они походили на шотландских стрелков Людовика XI, ирландскую Сарсфильдскую бригаду и швейцарскую гвардию Людовика XVI. Подобно всем этим войскам, они жили совершенно самостоятельной жизнью, отрезанные от родины и родного им быта, окруженные чужим народом, чувства которого их не трогали и привычки которого их не привлекали. Но, в противоположность своим предшественникам, они были связаны с великим мировым делом, от которого они ни на йоту не отклонялись. Они совместно изучали ход военных операций, постоянно занимались гимнастическими упражнениями и отличались ярким сознанием интересов своей группы.

Когда после подписания Брест-Литовского трактата русские перестали бороться с германцами, чехословацкая армия потребовала, чтобы ее перебросили на Западный фронт. Большевикам также очень хотелось, чтобы чехословацкие отряды оставили Россию. Большевистский главнокомандующий дал чехам разрешение на свободный выезд, гарантированный соглашением между союзниками и Советским правительством. Это соглашение состоялось в Москве 26 марта. Самым надежным путем была сибирская магистраль, и чехи начали двигаться по ней через Пензу, Челябинск и Самару. Когда они начали путешествие, их было 42.500 чел., но в дальнейшем состав их пополнялся чехо-словацкими военнопленными, и в конце концов общая численность отряда достигла почти 60 тыс. чел.

26 мая 1918 г. первый эшелон чехословацкой артиллерии прибыл в Иркутск. Согласно договору с большевиками, у чехов осталось только 30 карабинов и несколько гранат для личной самозащиты. Когда поезд вошел на станцию, чехи оказались лицом к лицу с большим, намного превосходящим их отрядом красногвардейцев. Им было приказано в 15 минут сдать все оставшееся у них оружие. Пока чехи, почти сплошь безоружные, обсуждали положение на железнодорожной платформе, из станционного здания по ним был открыт пулеметный огонь. Но чехи не уступили. Со своими 30 карабинами и ручными гранатами чехи не только разбили наголову своих противников, но и взяли их в плен и обез-

оружии.

Снабженные отобранным оружием, через несколько дней они разбили другие отряды, высланные против них местным Советом, и сообщили о происшедшем в штаб-квартиру.

После этого все чешские отряды перестали сдавать оружие и во всех местах, где они стояли, перешли к активной самообороне, а вскоре и к энергичной контрактаке. Их разбросанность придавала им теперь чрезвычайную силу. 11 тысяч чехов уже прибыло во Владивосток, остальные все еще были разбросаны вдоль Транссибирской магистрали и по ее подъездным веткам на всем протяжении от Уральских гор до Тихого океана. 6 июня 1918 г. они уже владели всеми железнодорожными станциями между Омском и Красноярском. Их сотоварищи, оставшиеся в Европейской России, действовали столь же успешно. Они быстро захватили все главные железнодорожные сообщения между Пензой на западе и Нижнеудинском на востоке. 28 июня они захватили Владивосток, а 6 июля двинулись из Никольска к Харбину и Хабаровску. Иркутск они взяли 13 июля.

Таким образом, вся русская территория от реки Волги до Тихого океана, почти не меньшая по размерам, чем Африканский континент, перешла, словно по мановению волшебного жезла, под контроль союзников.

Сообщение, посланное в конце июля чехословацкой армией профессору Масарику, находившемуся тогда в Соединенных Штатах, в кратких чертах обрисовывало создавшееся положение. «По нашему мнению, желательно и вполне возможно восстановить на востоке русско-германский фронт. Мы просим инструкций насчет того, должны ли мы ехать во Францию, или оставаться здесь и сражаться за Россию на стороне союзников и России. Физическое состояние и дух наших войск превосходны». Чехословацкий национальный совет, заседавший в Вашингтоне, отвечал на это: «Профессор Масарик дал инструкции, чтобы наши силы, находящиеся в Сибири, пока оставались там... Чехословацкая армия принадлежит к числу союзных армий и в такой же степени подчиняется приказам Версальского военного совета, как и французская и американская армии. Несомненно, находящаяся в России чехословацкая молодежь желает избежать участия в русской гражданской войне, но в то же время она должна знать, что, оставаясь там, где она сейчас находится, она может оказать России и русскому делу большую услугу, чем если бы она была перевезена во Францию. Чешские отряды подчиняются Верховному союзному совету».

По мере того как разворачивались эти удивительные события, они все в большей и большей степени определяли по-

ведение главных союзных держав. 2 июля 1918 г. Верховный военный совет обратился из Версаля с новой просьбой к президенту Вильсону, убеждая этого последнего поддержать чешские отряды. Тогда президент предложил отправить международный отряд, состоящий из британских, японских и американских отрядов, для того чтобы восстановить и поддерживать линии сообщения чехов. На следующий день британское правительство, по согласовании этого вопроса с прочими союзниками, решило оказать чехам военную помощь. 5 июля Соединенные Штаты сообщили, что они решили произвести в Сибири интервенцию в ограниченных размерах, «чтобы оказать чехословакам защиту против немцев и помочь организации самоуправления и самозащиты, для каковой сами русские, вероятно, нуждаются в содействии». Правительство Соединенных Штатов предложило также послать отряд христианской молодежи, чтобы морально руководить русским народом.

Под верховным начальством Японии в Сибирь были отправлены две японские дивизии, 7 тыс. американцев, 2 британских батальона под командой полковника Джонсона и полковника Джона Уорда, депутата лейбористской партии, и 3 тыс. французов и итальянцев. Отряды были высажены во Владивостоке и проследовали к западу по железной дороге. Одновременно с этим в июне и июле в Мурманске и Архангельске высадился международный отряд в 7–8 тыс. человек, состоявший главным образом из британцев и находившийся

под британским командованием. Население радостно приняло его, изгнало большевиков и образовало местное правительство. Между этим северным правительством и командующим британскими вооруженными силами было заключено соглашение, в силу которого местные власти обязывались помочь союзникам в их борьбе с немцами, союзные же правительства должны были финансировать северное правительство и снабжать население продовольствием.

В Сибири, на широко разбросанной линии пикетов, расставленных чехословаками, начало организовываться антибольшевистское русское правительство. Местопребыванием его был Омск. До некоторой степени Сибирь занимала по отношению к России такое же положение, какое занимает Канада по отношению к Великобритании. Появление чехов, их чрезвычайная энергия и внезапно одержанные ими успехи, их очевидное превосходство над вооруженными бандами большевиков помогли создать в «Совдепии» огромную территорию, на которой можно было организовать русское правительство и сформировать значительную военную организацию.

Уже в сентябре 1918 г. в Омске одновременно функционировали два правительства: одно, которое управляло Сибирью, и другое, которое претендовало на роль всероссийского правительства. Тем временем казацкие и антибольшевистские офицеры энергично набирали вооруженные силы. По мере того как силы эти росли количественно и приобре-

тали все большее влияние, они отодвигали на задний план обе эти импровизированные организации. Становилось все более и более ясным, что вскоре всем придется с оружием в руках защищать свою жизнь, а потому военные соображения стали преобладать над всеми остальными. Первое омское правительство охотно поддалось влиянию этой новой силы, но зато другое правительство, действовавшее параллельно с ним, стало центром социалистических заговоров. Соперничающие правительства все время действовали наперекор друг другу. Бессмысленность такой тактики, не считавшейся с угрозой неминуемой резни, привела к военному перевороту. 17 ноября, через неделю после перемирия, вожди новых армий силой завладели одним правительством и арестовали наиболее выдающихся членов другого. В виду отчаянного положения они решили – вероятно, с полным основанием – сосредоточить все полномочия в руках одного человека. Этого человека они нашли в лице адмирала Колчака, бывшего командующего Черноморским флотом.

* * *

С августа 1918 г. поражение центральных держав стало несомненным, и единственный вопрос заключался в том, насколько оно будет полно и насколько его удастся оттянуть. Все бышие российские окраины хотели во что бы то ни стало выбраться из большевистской России; общественное мне-

ние в каждом из новообразованных государств проявило себя весьма решительно. 28 ноября 1917 г. Эстония объявила себя независимой; Финляндия провозгласила свою независимость 6 декабря, Украина – 18 декабря, Латвия – 12 января 1918 г., Литва – 16 февраля 1918 г. 9 апреля 1918 г. Бессарабия заключила унию с Румынией на основаниях местной автономии; 22 апреля Закавказский Совет провозгласил полную независимость Закавказской Федерации и потребовал, чтобы вся территория последней была изъята из-под действия Брест-Литовского трактата. В конце мая Закавказское федеральное правительство разложилось на свои составные элементы: Грузия образовала независимое национальное правительство, армянский национальный совет взял на себя управление Арменией, а татарский национальный совет провозгласил независимость Азербайджана.

Все эти движения основывались на ожидании, что в результате войны Германия станет величайшей державой Европы. Но когда Германия стала слабеть, а затем потерпела полное крушение, каждое из новообразованных государств возложило все свои надежды на лигу победоносных демократических держав, которые из-за Атлантического океана в Па-де-Кале и через линию фронта во Франции и в Италии неудержимым потоком пламени и стали сокрушали свертывавшийся австро-германский фронт. А когда в конце концов всякое сопротивление кончилось и центральные державы вдруг рухнули, все эти новые народы и их зачаточные

правительства с радостью обратились к победоносным западным союзникам.

Но переход этот произошел не без борьбы. 4 января большевики вместе с французским и шведским правительствами признали независимость Финляндии, а 28 января 1918 г. они вторглись в Финляндию и захватили Гельсингфорс. Это не было обычной войной, где действовали пушки и регулярные отряды. Советские красногвардейцы наступали беспорядочной толпой, а в авангарде шли только что образовавшиеся местные коммунистические организации. 1 марта между Финской республикой и Петроградским Советом был заключен договор о мире и дружбе, но 3 апреля в Финляндии высадилась германская дивизия под начальством генерала Фон-дер-Гольца, к которой присоединились многочисленные отряды финнов-антикоммунистов, находившиеся под командой генерала Маннергейма, бывшего офицера русской императорской гвардии. Советские отряды и местные коммунисты были рассеяны, и 13 апреля генералы Фон-дер-Гольц и Маннергейм вновь заняли Гельсингфорс. 7 мая считается концом финляндской гражданской войны. Однако и после этого безудержная месть раздраженных и ни с чем не считавшихся победителей далеко не кончилась: они мстили не только финляндским коммунистам, но и многим безобидным социалистам и радикалам. На этом мы можем закончить изложение событий в Финляндии.

Три балтийских государства – Эстония, Латвия и Литва,

образовавшиеся к югу от Финляндии, оказались в чрезвычайно опасном положении. На востоке они были ближайшими соседями Петрограда и Кронштадта, колыбелей большевизма. На западе они граничили с родовой вотчиной тех самых прусских землевладельцев, которые оказались наиболее крепким и страшным элементом всей германской государственной системы. В течение зимы 1918 г. и первой половины лета 1919 г. балтийские государства поочередно переходили от строгостей прусского владычества к ужасам большевистской власти. Немедленно после перемирия отступавшие немцы сдали все свое военное снаряжение большевикам, которые быстро наводнили Эстонию и значительную часть Латвии и Литвы.

С помощью финляндских добровольцев и британского военного снаряжения в начале февраля 1919 г. эстонцы прогнали большевиков, но латыши и литовцы оказались не столь удачливыми. Пока происходили эти события, немцы под начальством Фон-дер-Гольца организовали партизанский отряд приблизительно в 20 тысяч человек, который должен был вытеснить русских и, вопреки всем решениям мирной конференции, создать место убежища для разорившейся знати восточной Пруссии. Некоторое время действия его были успешны, и германские отряды, действовавшие подобно кондотьерам старого времени, предавались грабежам и разгулу вплоть до прибытия союзной военной миссии в июле этого года. Неудивительно поэтому, что независимая Эсто-

ния, Латвия и Литва существовали лишь в мечтах своих обитателей, несмотря на все симпатии к ним держав союзной коалиции.

* * *

На Украине большевики с самого начала повели борьбу против отделения от России. Немцы подписали сепаратный мирный трактат с украинским правительством, заседавшим в Харькове. Но другое украинское правительство, образовавшееся в Киеве и симпатизировавшее большевикам, организовало вооруженное сопротивление как харьковским контрреволюционерам, так и немцам, стремившимся забрать нефть и хлеб. Но германская выдержка и дисциплина справлялись со всеми этими противоположными течениями, которые, несмотря на всю свою страстность, были все же слабы. Они быстро заняли необходимые в продовольственном отношении области небольшими отрядами надежных солдат. 13 марта 1918 г. они заняли Одессу, 17 марта – Николаев, 8 апреля – Херсон, 28 апреля установили на Украине диктатуру под главенством выставленного ими кандидата гетмана Скоропадского. 1 мая они заняли Севастополь и захватили часть русского Черноморского флота, а 8 мая взяли Ростов-на-Дону.

Положение в Бессарабии было тоже сложно и трудно, хотя оно и отличалось от положения на Украине. Остатки ру-

мынской армии и руководящие элементы румынского народа нашли себе убежище на русской территории после завоевания неприятелем их родины. Их приютил царь. После революции и Брест-Литовского мира положение их стало отчаянным. Сразу ожили старые связи между Румынией и Бессарабией, и одновременно возобновились бесконечные споры, которые вели из-за этой провинции Россия и Румыния после русско-турецкой войны 1878 г.

В тот же самый день (28 января), когда красногвардейцы вошли в Гельсингфорс, большевики объявили войну Румынии. Румыны не могли сопротивляться, но вмешались германские власти, и через шесть недель был подписан мир. Румыния, исстрадавшаяся вконец, плененная и разоренная, получила наконец удовлетворение. 9 апреля Бессарабия провозгласила унию с Румынией при условии местной автономии. Непрерывное наступление германских войск в южной России заставило Советское правительство удовлетвориться словесным протестом.

Таково было зрелище анархии и хаоса, борьбы и голода, представшее перед западными державами в день перемирия с Германией; зрелище, налагавшее на них обязательства и предоставлявшее им благоприятные возможности.

Часть 2. Интервенция в Россию

11 ноября 1918 г. закончилась Первая мировая война. Владыками мира оказались три человека, возглавлявшие правительства Великобритании, Соединенных Штатов и Франции. За их спиной стояли огромные государства. В их руках были силы непобедимых армий и флота, без разрешения которого ни одно надводное или подводное судно не смело пересекать морей. Национальные различия, различия в интересах и огромные расстояния были преодолены этими людьми в общей борьбе против страшного врага. Вместе они достигли цели. В их руках была победа, – победа абсолютная, ни с чем не сравнимая.

Эти люди должны сойтись вместе. Географические и конституционные препятствия – все это лишь мелочи. Люди эти должны встретиться лицом к лицу, и, обсудив все, должны как можно скорее разрешить важнейшие практические проблемы, возникшие в виду полного поражения врага. Они должны искать наилучших решений, соответствующих интересам великих наций, следующих за ними, интересам измученной Европы и пораженного ужасом мира.

Вместе они не побоятся учесть подлинные факты и их значение. Германская, австрийская и турецкая империи, и все те мощные силы, которые так долго стояли поперек дороги сегодняшним победителям, сдались на капитуляцию; они

беспомощны и безоружны. Но поставленная цель еще не достигнута. Еще остались иные враги; у победителей оспаривают власть новые силы, препятствующие справедливому разрешению мировых проблем. Вовремя было вспомнить девиз древних римлян: «Щади побежденных и усмиряй войной гордых».

Поэтому Вильсон, Ллойд-Джордж и Клемансо перешли к плану создания Лиги Наций. Если в нее войдут все наиболее крупные государства, то уже одной моральной силы будет достаточно в качестве величайшей гарантии мира и справедливости. Почти всеобщий торговый и финансовый бойкот и полная морская блокада – таковы будут жестокие кары, грозящие стране, нарушившей мир. Страны, подвергавшиеся нападению, будут пользоваться могучей защитой, ибо они будут получать кредиты, продовольствие и военное снаряжение. Но верховные власти Лиги конечно не отступят в последнем счете и перед применением военной силы.

«Мы, – сказал Клемансо, – в сущности восстанавливаем старый рыцарский орден, наподобие ордена тамплиеров или Мальтийского ордена, для охраны цивилизации от варварства». При этом Клемансо допустил какую-то непочтительную шутку, забытую летописцем событий. «Для образования ордена, – сказал президент Вильсон, – нет недостатка в рыцарях, стяжавших себе бессмертную репутацию. Французские, британские, американские, германские и итальянские герои совершили подвиги, равных которым не найдется

в летописях человечества. Из этих должна составиться новая знать». – «Во всяком случае, – сказал Ллойд-Джордж, – они лучше спекулянтов, ежедневно обивающих пороги моего дома».

Итак, было решено в принципе, что воздушные силы будут оставлены исключительно за Лигой Наций для поддержания всеобщего мира и борьбы с его нарушителями. На первых порах организация национальных воздушных сил не была абсолютно воспрещена, но вся политика великих держав должна быть направлена к тому, чтобы создать международный воздушный корпус. Предполагалось, что после всеобщего умиротворения только коммерческая авиация будет развиваться в национальном масштабе, военная же авиация будет предоставлена исключительно международному органу власти – Лиге Наций.

Немедленно разрешить вопрос о химической войне оказалось слишком трудным, и потому было решено ограничиться изданием мирового декрета, запрещающего какой бы то ни было отдельной нации прибегать к этому способу. «Впрочем, – оговорились вожди, – когда-нибудь может быть и придется наказать непокорные нации, заставив их применением газов чихать или в крайнем случае вызывая у них рвоту».

* * *

Далее, в ходе переговоров, Вильсон, Ллойд-Джордж и

Клемансо послали за маршалом Фошем и спросили его: «Что вы можете сделать в России?». Фош отвечал: «Особых трудностей нам не представится, и вряд ли придется долго воевать. Несколько сот тысяч американцев, горячо желающих принять участие в мировых событиях, действуя совместно с добровольческими отрядами британских (я боюсь, что Фош сказал „английских“) и французских армий, с помощью современных железных дорог могут легко захватить Москву. Да и кроме того, мы уже владеем тремя окраинами России. Если вы хотите подчинить своей власти бывшую русскую империю для того, чтобы дать возможность русскому народу свободно выразить свою волю, вам нужно только дать мне соответствующий приказ. Для меня, Хэйга и Першинга эта задача будет очень легкой по сравнению с задачами восстановления фронта после битвы 21 марта 1918 г. или прорыва оборонительной линии Гинденбурга».

Но трое государственных людей сказали: «Это не только вопрос военной экспедиции, это – вопрос мировой политики. Несомненно, покорить Россию в материальном отношении вполне возможно, но в моральном отношении это слишком ответственная задача, чтобы ее могли выполнить одни лишь победители. Осуществить ее мы можем лишь с помощью Германии. Немцы знают Россию лучше, чем какая бы то ни было другая страна. В настоящее время немцы занимают самые богатые и населенные части России, и их пребывание является там единственной гарантией цивилизации. Разве

Германия не должна сыграть свою роль в замирении восточного фронта, с тем, чтобы привести его в такое состояние, в каком находятся ныне все остальные фронты?» И трое властителей решили: «Теперь для Германии открыта исключительная возможность. Гордый и достойный народ сможет таким образом избежать всякого унижения от постигшего его военного разгрома. Почти незаметно он перейдет от жестокой борьбы к естественному сотрудничеству со всеми нами. Без Германии в Европе ничего нельзя сделать, а с ее помощью все окажется легким».

И тогда они приняли резолюцию: «Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы». Это соответствовало интересам великих держав. Я тогда писал (9 декабря 1918 года): «Что касается России, то ищущие подлинную истину могут убедиться в том, до какой степени страшна господствующая там антидемократическая тирания и до чего ужасны совершающиеся там социальные и экономические процессы, грозящие вырождением. Единственным надежным основанием для государства является правительство, свободно избранное миллионными народными массами. Чем шире охват масс выборами, тем лучше. Отклоняться от этого принципа было бы губительно».

Союзники и в материальном, и в моральном отношении были связаны обязательствами в России. Британские обязательства в некоторых отношениях были наиболее серьез-

ными. Двенадцать тысяч британцев и одиннадцатитысячное войско союзников были фактически заперты льдами на севере России – в Мурмане и Архангельске, и какое бы ни последовало решение держав, они вынуждены были оставаться там до весны. Естественно, что положение этих армий, против которых большевики имели возможность сконцентрировать очень большие силы, не могло не возбуждать тревоги.

Два британских батальона во главе с членом парламента полковником Джоном Уордом вместе с матросами с английского крейсера «Суффольк» оказались в центре Сибири и сыграли здесь важную роль в поддержке Омского правительства, помогая последнему и оружием, и советами. Поспешно создавалась новая сибирская армия. Из одних только британских источников она получила 100 тысяч ружей и 20 пулеметов. Большинство солдат были одеты в мундиры британской армии. Во Владивостоке были основаны под управлением английских офицеров военные школы, которые выпустили к этому времени 3000 русских офицеров, весьма, впрочем, посредственных.

На юге союзники обещали Деникину, заместившему собой умершего Алексеева, всякую поддержку при первой возможности. С открытием Дарданелл и появлением британского флота в Черном море создалась возможность послать британскую военную комиссию в Новороссийск. На основании отчетов этой комиссии Военный кабинет 14 ноября 1918 г. решил: 1) помогать Деникину оружием и военным снаряже-

нием; 2) отправить в Сибирь дополнительные кадры офицеров и дополнительное военное оборудование и 3) признать Омское правительство de facto.

* * *

Министр иностранных дел лорд Бальфур в меморандуме от 29 ноября изложил кабинету основы своей политики в отношении России: «Недавние события создали обязательства, которые остаются в силе после того, как исчезли причины, вызвавшие их к жизни. Чехословаки – наши союзники, и мы должны делать все, что в наших силах для того, чтобы им помочь. В юго-восточном углу России, в Европе, в Сибири, в Закавказье и Закаспийской области, на территориях, примыкающих к Белому морю и Ледовитому океану, создались и выросли новые антибольшевистские правительства, охраняемые войсками союзников. На нас лежит ответственность за их существование, и мы должны стараться всячески их поддерживать... Что касается прибалтийских провинций, то мы должны оказывать возможное покровительство пробуждающимся народам этих областей с помощью нашего флота».

30 ноября нашим представителям в Архангельске и Владивостоке было сообщено, что наше правительство намерено придерживаться в отношении России следующей политики:

«Продолжать занимать Мурманск и Архангельск; про-

должать сибирскую экспедицию; попытаться убедить чехов остаться в Западной Сибири; занять (с помощью пяти британских бригад) железнодорожную линию Батум – Баку; оказать генералу Деникину в Новороссийске всякую возможную помощь в смысле снабжения военными материалами, снабдить прибалтийские государства военным снаряжением».

Программа эта была весьма обширна. Она охватывала не только уже существовавшие обстоятельства, но прибавляла к ним новые, еще большие, заставляла Англию предпринимать новые шаги интервенции на Кавказе и на юге России. Об этом следует хотя бы вкратце рассказать здесь.

За год перед тем, а именно 23 декабря 1917 г., между Англией и Францией была заключена конвенция, которую выработали Клемансо, Пишон и Фош, с одной стороны, и лорд Мильнер, лорд Роберт Сесиль и представители английских военных кругов, с другой; эта конвенция имела целью установить дальнейшую политику обеих держав на юге России. Конвенция предусматривала оказание помощи генералу Алексееву, находившемуся тогда в Новочеркасске, и географическое разделение сферы действий этих двух держав на всем том протяжении, какое они были в состоянии охватить. Французам предоставлялось развить свои действия на территории, лежащей к северу от Черного моря, направив их «против врагов», т. е. германцев и враждебных русских войск; англичанам – на востоке от Черного моря, против

Турции. Таким образом, как это указано в 3-й статье договора, французская зона должна была состоять из Украины и Крыма, а английская – из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана. На заседании военного кабинета 13 ноября 1918 г. намеченное в конвенции и указанное выше разграничение сфер действия было подтверждено вновь.

В результате британские войска высадились в Батуме и быстро заняли Кавказскую железную дорогу от Черного моря до Каспийского, другими словами, – до Баку. По отношению к местным жителям и их неустойчивым правительствам английские войска действовали покровительственно, подобно «старшим братьям», они организовали флотилию судов, которая вскоре обеспечила им превосходство на Каспийском море. Море это больше, чем площадь, занимаемая Британскими островами.

Британские войска численностью в 20 тыс. чел. к концу января 1919 г. оказались обладателями одной из самых больших стратегических линий в мире, причем оба фланга были защищены морским могуществом Англии на двух внутренних морях. Под этим прикрытием народы Грузии, Армении и Азербайджана должны были пользоваться полной независимостью, и вторжения большевиков в Турцию (в то время вполне покорную), в Курдистан или в Персию были предотвращены. Никаких боев не происходило, и потому потери в людях не было, но удержать нетронутой всю эту защитную

линию, как это нам удавалось почти в течение целого года, было все же делом весьма нелегким.

* * *

Трагическая судьба ожидала французов в назначенной им для военных действий области. Одним из условий перемирия была немедленный уход немцев с Украины. Это казалось в достаточной степени благоразумным с точки зрения всех тех, чьи умы находились под впечатлением борьбы с центральными державами, да и сами германцы охотно этому подчинились, радуясь своему возвращению домой. На деле, однако, это условие перемирия способствовало удалению из южной России единственного сильного, здорового и действенного элемента. Едва только все эти «стальные каски», возбуждавшие ненависть и страх, поспешно оставили города и деревни южной России, на смену им явились красногвардейцы.

В то время как совершались эти печальные события, 20 декабря в Одессе высадились французы в составе двух дивизий при поддержке сильного флота. Десант был усилен двумя греческими дивизиями, присланными Венизелосом по требованию Верховного совета союзников. В результате последовало первое серьезное столкновение победителей с большевиками. Решилось оно не при помощи обычных в таких случаях орудий войны. Местное население бы-

ло оскорблено вторжением иностранцев, и большевики этим недовольством воспользовались. Их пропаганда, в которой странным образом были объединены элементы патриотизма и коммунизма, быстро распространилась по всей Украине. 6 февраля 1919 г. большевики снова заняли Киев, и население окружающих Киев областей восстало против иностранцев и капиталистов.

Сами французские войска были затронуты коммунистической пропагандой, и вскоре возмущение охватило почти весь французский флот. Для чего им нужно еще сражаться теперь, когда война уже кончилась? Почему им не позволяют вернуться домой? Почему им не оказать поддержку русско-му движению, которое стремится к всеобщему уравниению и мирному государству, управляемому солдатами, матросами и рабочими? Послушное орудие, действовавшее почти без осечки во всех самых напряженных схватках воюющих друг с другом наций, теперь неожиданно сломилось в руках тех, кто направил его на новое дело. Восстание во французском флоте было подавлено, и его лидеры уже давно находились в тюрьме. Но для правительства в Париже это было неожиданным ударом, который заставил быстро ликвидировать все предприятие. 6 апреля французы оставили Одессу; одновременно были отозваны греческие дивизии, не затронутые этими событиями.

Этот краткий пересказ наиболее выдающихся событий, разумеется, весьма неполон. Те же картины смятения и на-

пряженных боев повторялись с теми или другими изменениями повсюду, где только сталкивались большевистские и антибольшевистские войска. Смена убийств и анархии, грабежей и репрессий, восстаний и подавления бунтов, измен и резни, слабых попыток вмешаться в неслыханные кровопролития – происходила на обширной территории от Белого до Черного моря. Во всей стране никто не знал, что делать, за кем идти. Никакие организации не в силах были противостоять этому всеобщему разложению, жестокость и страх господствовали над стомилионным русским народом в создавшемся хаосе.

Следует еще сказать о том, что 12 января маршал Фош в Верховном военном совете сделал сообщение о русско-польских делах. Он предложил прибавить к условиям перемирия, нуждавшимся тогда в обновлении, еще одно, а именно чтобы железнодорожная линия Данциг – Торн была приведена в порядок германцами и вместе с данцигским портом обслуживала передвижение войск союзников. Он имел в виду создание сильной армии, главным образом из американских войск, которая вместе с польским отрядом и сочувствующими этому русскими военнопленными могла бы оказать защиту Польше и противодействие большевикам. Но американцы вовсе не желали быть использованными для этой цели, какой бы желанной она ни казалась. Не подлежало сомнению, что британские войска для этой цели также предоставлены не будут. В силу этого маршалу пришлось обратиться к ме-

нее действительным средствам, а государственным деятелям
– искать утешения в пошлости.

Часть 3. Чего мы хотели от русских

Я принял управление военным министерством в качестве государственного секретаря 14 января 1919 г.; я получил в наследство все прежние обязательства; мне приходилось находить выход из создавшегося трагического положения вещей, а равным образом и разрешать все те «домашние» затруднения, о которых я уже говорил. До этого момента я не принимал никакого участия в русских делах и не был ответственен за какие-либо принятые нами на себя обязательства. Я во всем согласился со взглядами, высказанными тогда сэром Генри Вильсоном, начальником имперского генерального штаба, и предложенная нами обоими политическая линия, которую, насколько это было в наших силах, мы проводили до конца, имела за собой во всяком случае достоинство простоты. Наши войска быстро таяли. Британский народ никогда не стал бы снабжать людьми или деньгами какое большое военное предприятие нигде, кроме как на Рейне. Было весьма сомнительно, чтобы солдаты, призванные насильственно в войска для войны с Германией, соглашались сражаться с кем бы то ни было еще при каких бы то ни было обстоятельствах, или даже оставаться сколько-нибудь долгое время для оккупации занятой ими территории. В силу всех этих соображений мы оба с полной солидарностью заявили: «Сокращайте наши обязательства, отберите опреде-

ленные из них и добивайтесь успехов в отношении тех лишь, которые вы в состоянии выполнить».

Далее мы выяснили необходимость следующих мероприятий: во-первых, немедленно вывести наши войска с Кавказа, из того опасного положения, в котором они очутились, во-вторых, заключить мир с Турцией и притом такой мир, который показал бы Турции, что Англия ее друг; в-третьих, покрыть полностью наши обязательства в области снаряжения и снабжения антибольшевистских войск, пользуясь для этого нашими громадными запасами военного снаряжения, дав белым опытных и знающих офицеров и инструкторов для обучения их собственной армии. Из этого, естественно, вытекало, что мы должны были постараться объединить все лимитрофные государства, враждебные большевикам, в одну военно-дипломатическую систему и добиться, чтобы и другие державы по мере возможности действовали в том же направлении. Такова была политика, которой мы твердо следовали, и таковы были ее пределы.

Одновременно с этой политикой создавалась еще другая, которую защищали весьма влиятельные лица и которая шла вразрез с теми крайне простыми концепциями, которые были изложены выше. Британское правительство еще в декабре 1918 г. запросило державы союзной коалиции, не следовало ли бы сделать России какое-нибудь мирное предложение. И хотя эта идея не нашла никакого сочувствия среди французов, а в Англии слух о ней вызвал возгласы протеста, тем не

менее Ллойд-Джордж опять поднял этот вопрос 16 января 1919 г. и предложил, чтобы представители Москвы, а также и тех государств и генералов, с которыми Москва воевала, были приглашены в Париж, «подобно тому как Римская империя приглашала военачальников плативших ей дань государств для того, чтобы они давали отчет в своих действиях».

Президент Вильсон одобрил предложение Ллойд-Джорджа, и 21 января 1919 г. было решено, что приглашения составят американцы. Но место конференции было изменено, и вместо Парижа были избраны Принцесы острова в Мраморном море. В близком с ними соседстве находится другой остров, на который младотурки вывезли всех бродячих собак, которые ранее наводняли собою улицы Константинополя. Этим собакам, численностью в несколько десятков тысяч, было предоставлено пожирать друг друга и в конце концов подохнуть с голода. Путешествуя в 1909 г. на яхте одного из своих приятелей и посетив Турцию, я собственными своими глазами видел на скалистом побережья острова целые стаи этих собак. Их кости до сих пор еще белеют на этом негостеприимном острове, и память о них до сих пор еще сохранилась во всей окрестности. Сторонникам большевиков такое место казалось весьма неподходящим для мирной конференции, но их противники находили его вполне приемлемым.

Как раз в этот самый период я впервые принял участие в обсуждении русского вопроса в Париже. Имея в своем непосредственном ведении наши военные обязательства в Архангельске, по отношению к Колчаку и Деникину, я неоднократно побуждал премьер-министра принять по отношению к России определенную политику. В продолжительных и горячих беседах со мною он высказывал обычно свойственные ему терпение и внимание к проявляющему беспокойство товарищу по министерству. В конце концов он предложил мне поехать в Париж и установить самому, что можно было сделать в тех пределах, какие были нами намечены.

Таким образом, в связи с этим поручением 14 февраля я пересек Ла-Манш и вскоре занял место среди «великих мира сего». Я своими глазами увидел теперь ту картину, которую затем так часто описывал – картину «мирной конференции за работой». Председательствовал Клемансо, строгий, суровый, белый, как лунь, в маленькой черной шапочке. Против него – маршал Фош, всегда очень официальный, сдержанный, в сиянии славы и в то же время любезный. По правую и левую руку от них в роскошных креслах заседали представители держав-победительниц. Вокруг – гобелены, зеркала, позолота, яркие огни. Это был единственный раз, когда я имел разговор с президентом Вильсоном в качестве официально-

го лица. Сейчас я расскажу, как было дело.

Конференция продолжалась в тот день очень долго, и было уже позже 7 часов, когда очередь дошла до стоявшего в программе вопроса о России. В этот вечер президент Вильсон в первый раз за все время своего пребывания в Европе уезжал в США, и ему надо было торопиться, чтобы успеть пообедать и попасть на поезд, отходивший в Шербург. Он уже встал с своего места, намереваясь покинуть конференцию, и момент был самый неблагоприятный для того, чтобы начать новый разговор да еще на такую неприятную и трудную тему. Тем не менее, с настойчивостью, вызванной той ответственностью, которую мне приходилось нести по отношению к нашим войскам, находившимся в России, ясно сознавая, какое тяжелое положение создалось, я решительно встал со своего места и обратился к президенту: «Не могли ли бы мы прийти к какому-нибудь определенному решению в вопросе о России? Война фактически продолжалась. Людей убивали и ранили. Какой политики мы, в сущности, придерживались? Стремились ли мы к миру или к войне? Должны ли мы были остановиться или идти вперед? Неужели президент уедет в Америку, оставив этот вопрос совершенно неразрешенным? Что должно было случиться за время его отсутствия? Неужели ничего другого, помимо этого все продолжавшегося бесцельного, неорганизованного кровопролития, впереди не предвиделось вплоть до его возвращения? Без сомнения, на все это должен быть дан какой-ни-

будь ответ».

Президент, вопреки моим ожиданиям, проявил большую любезность. Он повернулся опять к столу и, опершись локтем на спинку кресла Клемансо, выслушал стоя все, что я имел сказать. А выслушав, просто и откровенно ответил следующее: «Россия представляет собою задачу, решения которой он не знает и на решение которой не претендует в данный момент. На пути всякого политического курса лежали серьезнейшие препятствия, а между тем рано или поздно какой-нибудь курс все же необходимо было взять. Он горячо желал бы оставить Россию вообще, но готов, если бы это оказалось нужным, встретиться с одними большевиками (т. е. без русских националистов) на Принцевых островах. В том же случае, если бы на Принцевых островах не удалось ничего достигнуть, то он готов участвовать в равной доле со всеми другими союзниками в проведении всех тех военных мероприятий, которые они найдут нужным применить для того, чтобы помочь русским войскам, находящимся на поле сражения». Сказав это, президент покинул конференцию.

* * *

Для меня было ясно, что какова бы ни была политика союзников по отношению к России и какие бы мероприятия ни были приняты для ее проведения, необходимо было создание какого-нибудь центрального органа для рассмотре-

ния и согласования русского вопроса. К прежним пятидесяти восьми комиссиям можно было без ущерба прибавить пятьдесят девятую, которая ведала бы русскими делами.

На следующий день на специальном заседании на Кэ д'Орсэ, на котором разбирались положение дел в России, я предложил, с одобрения Бальфура, создать специальный союзный совет, который ведал бы русскими делами и состоял бы из политической, экономической и военной секций; этому совету должна была быть предоставлена исполнительная власть в пределах политики, выработанной союзными правительствами. Я предложил также немедленно выяснить, какие имелись в распоряжении средства для военных действий и как их лучше можно было бы координировать.

Я сообщил о прениях, имевших место по этому вопросу, премьер-министру и со своей стороны прибавил:

«В том случае, если бы конференцию на Принцевых островах постигла неудача, Верховному военному совету мог бы быть немедленно предложен полный план военных действий, а также мнения высших военных авторитетов по поводу того, есть ли серьезное основание надеяться на военный успех, действуя в пределах имеющихся в нашем распоряжении средств. На основании этого Верховный военный совет будет в состоянии принять окончательное решение, нужно ли вообще покинуть Россию, или же приводить в исполнение предложенный им план военных действий».

18 февраля я вернулся в Лондон. Я уверен, что пред-

ложенный мною план действий был и разумен и практически выполним. Единственный шанс на успех и спокойствие для русских националистов лежал в единстве союзников и в должном согласовании предпринимаемых ими мероприятий. Многого союзники дать им не могли, но это небольшое они могли дать в такой форме, которая могла быть полезной.

Когда оба проекта – и предложение приехать для переговоров на Принцевы острова, и совместное обсуждение военных и дипломатических возможностей – кончились ничем, американцы, с согласия Ллойд-Джорджа, 22 февраля послали в Россию некоего Буллита. Через неделю или две он вернулся в Париж с предложениями советского правительства, готового идти на соглашение. Момент был для этого неподходящим: армии Колчака как раз в это время достигли в Сибири значительных успехов, а Бела Кун только что поднял коммунистический мятеж в Венгрии. Негодование французов и англичан против всякого соглашения с большевиками достигло своего предела, и советские предложения Буллиту вызвали всеобщее презрение.

Таким образом мы вновь уперлись в тупик.

Премьер-министр в ответ на многочисленные запросы военного министерства, ждавшего от него окончательного решения, какой политике надлежит следовать, ответил требованием дать ему точную смету расходов по различным предложенным мероприятиям. 27 февраля 1919 г. я отправил ему следующее письмо: «Одновременно с сим посылаю вам

сведения об английской помощи России. Как вы увидите, помощь эта значительна. В упрек можно поставить нам то, что эта помощь не является результатом определенной политики и что в то время, как эта помощь весьма ощутительно истощает наши ресурсы, цели ее не проводятся с достаточной силой, чтобы привести к определенным результатам. В основе всего предприятия не чувствуется достаточного желания «выиграть дело». По всем пунктам нам не хватает как раз того, что необходимо для достижения реального успеха. Отсутствие желания «выиграть дело» сообщается и нашим войскам, неблагоприятно воздействуя на их моральное состояние, и нашим русским союзникам, задерживая все их начинания, и нашим врагам, возбуждая их усилия.

Вы жаловались на военное министерство, не давшее вам нужных сведений; я должен указать по этому поводу, что военный кабинет давно уже сносится непосредственно с начальником штаба и другими военными властями, и военному кабинету так же хорошо известно, как и мне, как трудно получить от военных точные планы и сметы по русскому вопросу. Причина этого та, что все связанные с разрешением этого вопроса факторы неопределенны и военные соображения находятся постоянно в зависимости от политических решений, которые до сих пор не приняты окончательно. Так например по основному вопросу союзные державы в Париже не решили, желают ли они воевать с большевиками или заключить с ними мир. Державы остановились на пол-

пути между этими двумя политическими линиями, испытывая одинаковое нерасположение к обеим...».

Через две недели (14 марта 1919 г.) я отправил Ллойд-Джорджу еще одно письмо: «Четыре месяца, которые прошли со дня подписания перемирия, оказались крайне тяжелыми для антибольшевистских войск. Это объясняется не тем, что силы большевиков все увеличиваются, хотя известное увеличение все же было, а отсутствием определенной политики со стороны союзников и какой бы то ни было действительной поддержки с их стороны тех военных операций, которые ведутся против большевиков в различных пунктах России.

Предложение о созыве конференции на Принцевых островах сыграло свою роль в том, что началось общее утомление и упадок духа. Тот факт, что германским войскам был дан приказ покинуть Украину без того, чтобы были приняты какие-либо меры, чтобы остановить продвижение большевиков, дал этим последним возможность быстро занять значительную часть этой богатой территории, полной новых запасов продовольствия, и в настоящее время большевики, заняв Херсон, подошли к самому Черному морю. В войсках Колчака наблюдаются признаки слабости и, как вам известно, многочисленные проявления большевизма наблюдались недавно позади сибирского фронта, причем в одном случае японцам пришлось претерпеть тяжелую борьбу».

Здесь будет уместно несколько забежать вперед и рассказать о судьбе адмирала Колчака и о ходе событий в Сибири.

Колчак, энергичный человек лет сорока, был среди моряков тем, чем Корнилов был среди солдат. В самом начале революции, после бунта в его флоте, бунта, в котором он проявил личную храбрость и большую физическую силу, он, по совету Временного правительства, считавшего, что впоследствии он может оказаться полезным, нашел себе приют в Японии. После же падения Временного правительства он пришел в Сибирь из Японии и в течение нескольких месяцев занимал курьезный пост морского министра в Омском правительстве, находившемся на расстоянии 1000 миль от берега моря.

Колчак был честен, благороден и неподкупен. По своим взглядам и темпераменту он был монархистом, но он прилагал все усилия, чтобы быть либеральным и прогрессивным, не желая отставать от духа времени. Политического опыта у него не было, и он был лишен той глубокой интуиции, которая дала возможность людям одинаковых с ним качества и характера пробить себе путь среди подводных камней и бурь революции. Это был умный, благородный, патриотически настроенный адмирал. Он не принимал участия в движении и заговорах, которые низвергали правительство, но ко-

гда по необходимости те, кто были с ним связаны, возложили на него ответственность диктатора, он счел долгом принять ее. Он провозгласил себя верховным правителем и главнокомандующим сибирской армией, казацких территорий и Оренбурга, заявив, что его главные цели были восстановление боевой мощи армии, победа над большевизмом и восстановление закона и порядка для того, чтобы дать возможность русскому народу беспрепятственно избрать наиболее желательную для себя форму государственного строя. Нет сомнения в том, что эта программа отвечала требованиям времени.

На практике всякая твердая политика требовала полного устранения антибольшевистских социалистов из сибирского правительства. Эти «помощники», бессильные оказать действительную помощь, но весьма способные ставить палки в колеса, сделались с тех пор определенными противниками Колчака. С другой стороны, все важнейшие торговые и промышленные круги, кооперативные общества, городские учреждения, а главным образом все военные власти сразу окрепли, благодаря его поддержке. Широкие массы народа были по-прежнему погружены в характерное для русских состояние апатии и фатализма. Колчак был наиболее подходящим из действовавших в то время в Сибири людей. Его программа была именно такая, какая была тогда нужна; но он не обладал ни авторитетом самодержавного строя, ни тем, который могла дать революция. Он должен был потерпеть неуда-

чу в попытке придать боеспособность промежуточным политическим концепциям, которые представляют собой общее место в цивилизованном обществе.

Под его руководством генерал Гайда, командующий сибирской армией численностью приблизительно в 100 тыс. человек, быстро двигался вперед, реорганизуя весь тот фронт, с которого были отозваны чехи. К концу января им удалось вновь захватить территорию в 150 миль шириной. 1 марта, ободренные такими успехами, они возобновили наступление, целью которого было достигнуть в центре и на юге линии Волги, а на севере через Вятку и Котлас соединиться с русскими и союзными войсками, находившимися в Архангельске. Продвижение вперед сибирской армии на фронте в 700 миль не могло бы увенчаться успехом, если бы на своем пути эта армия встретила серьезное сопротивление неприятельских войск. Как бы то ни было, к 1 мая сибирская армия продвинулась вперед на своем колоссальном фронте – на севере – на глубину в 125 миль и в центре – на глубину в 250 миль. На юге они тоже достигли значительных успехов.

* * *

Таково было положение вещей, когда Верховный совет союзников в конце мая 1919 г. принял наконец определенное решение.

Клемансо, Ллойд-Джордж, президент Вильсон, Орландо

и японский делегат Сайондзи выразили свою точку зрения в ноте от 26 мая, адресованной адмиралу Колчаку. Этот документ настолько важен, что должен быть воспроизведен полностью.

«Нота Верховного совета адмиралу Колчаку»

26 мая 1919 г.

Державы союзной коалиции чувствуют, что настало время, когда им необходимо еще раз выяснить ту политику, какой они намерены следовать по отношению к России.

Державы союзной коалиции всегда придерживались аксиомы: избегать всякого вмешательства во внутренние дела России. Вначале союзная интервенция исключительно преследовала цель оказать помощь тем элементам в России, которые желали продолжать борьбу с германским самодержавием, освободить свою страну от власти немцев, и для того, чтобы избавить чехословаков от опасности быть уничтоженными большевистскими войсками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.